1941-1945 КАК МЫ ШЛИ К ПОБЕДЕ

ВЕЛИКОЕ ПОКОЛЕНИЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

1959 году. Ее боковая — мужская — грань вдруг резко проваливается в двух ярусах: 35—39 лет и 40—44. Строители пирамид ведут счет опять-таки на миллионы. А сложены они из единиц: Иван плюс Петр плюс Гурген плюс Тургунбай. Вот эти пирамиды увидеть проще. Идете по грибы, раскидываете скатерть на пикнике, а где-то совсем рядом, под березой, на опушке — фанерные столбики со звездой, серые — под камень, красные — под кирпич или вовсе бесцветные, омытые дождями и снегами...

В глубоких графических провалах — годы рождения от 1915 до 1924. Наитрагичнейшие, пожалуй, два последних. Ушли на войну практически все, и сколько не вернулось! Сорок первый, сорок второй — самые тяжкие годы. Погибали очень скоро, в первых же боях. Послужить в армии не успели, пороха не нюхали, войну представляли совсем другой. Много было среди них добровольцев: студенты, старшеклассники, будущие ученые и поэты, конструкторы и мастера — надежда нации.

Но с другими со всеми,
Неокрепший еще,
Под тяжелое Время
Он подставил плечо:
Под приклад автомата,
Расщепленный в бою,
Под бревно для наката,
Под Отчизну свою.

Так сказал о них, самых молодых, Александр Межиров.

О скольких можно рассказать тут, на газетной странице,— ну, о трех, четырех. Надо, чтобы могли служить типом что ли, образцом, к которому прикладывается любое имя. Но кого именно назвать, где искать и что — многозначительные вехи биографии, яркие события? Не было. Лучше сказать, не успело быть.

По нынешним меркам — мальчики, да и по тогдашним — еще не мужчины: кому двадцать с небольшим, а кому и семнадцать.

Писали домой: «все еще не курю», «свою двухнедельную поросль выдаю за бороду», «взводный наш краснеет от смущения, когда подает команду». В подмосковном поселке Ильинское в школе лежит под стеклом дневник Вити Махрова. Незадолго перед тем, как уйти на фронт, он записал: «Наблюдаю, как умывается кролик. Встает на задние лапы, передние — мочит языком...»

Я ДОВЕРИЛАСЬ случаю, нечаянным адресам. Прочла заметочку, что в Туле, в рабочем поселке, в сорок девятой школе установлен памятник десятиклассникам, и поехала туда.

Уходили они сразу после выпускного вечера. Где-то читанные строчки: «Из вихря огненного вальса шагнули в полымя войны». На плите в школьном саду рядом с мраморной полураскрытой книгой, с чуть приподнятой страницей — 52 фамилии, есть девичьи — сестры Рогачевы. В здании школы — музей: в классной комнате вместо парт — фотографии по стенам и тощие папочки с документами. Я остановилась около Сафронова, потому что папка его показалась чуть полнее других.

Константин Сафронов, капитан, начальник штаба батальона 1031-го стрелкового полка 280-й стрелковой дивизии погиб 1 мая 1945 года двадцати одного года. Орден Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, участник Курской битвы, форсировал Днестр, Вислу, Одер, Эльбу.

В папке—удостоверение, данное «тов. Сафронову в том, что он является членом скульптурного кружка». И согнутые треугольничком листки, исписанные быстрым, не везде внятным карандашом. Ничто, как письма, не сообщит теперь большей правды о тех, кто их писал.

«Прежде, чем научиться командовать, научись повиноваться. Хорошо, что не привык отвиливать от поручений». Это—из училища связи.

«Шестой день идет жесточайшая битва. Поля почернели от трупов. Неба не видно от порохового дыма. Борьба идет за каждый метр, каждый окоп».

«Любимые мама, папа, Тамара! Скоро исполнится наше долгожданное, и вы прочтете о нас с восторгом».

«А что сейчас творится... Тучи наших самолетов, нескончаемые колонны танков. От их гула, от воя «катюш» ничего не слышно, не чувствуешь себя, смотришь только вперед, и несет тебя эта стихия».

«В тылу на отдыхе. Лагерь в лесу, орехи. Щебечут птицы. К тишине еще надо привыкать».

«Самое замечательное время — ночи, лунные, теплые. Автомат—на плечо, и ходишь, наслаждаешься красотой».

Последнее письмо, за день до смерти в последнем бою батальона: «Чувствуем себя победителями. 50 километров от Берлина. Думаю, что основная война скоро кончится. До близкой встречи!»

Вот и вся короткая история долгой войны.

Лежала под письмами фотография: женщина на воинском кладбище. Оказалось, Костина сестра Тамара Сергеевна Некрасова. Из ее рассказов встает любопытная личность. Интерес к миру раздирал Костю на части: астрономия, стенография, автомобили, живопись, английский язык. Все всерьез, без халтуры. Ему вечно не хватало времени, тем более что по вечерам у Сафроновых собиралась школьная мальчишечья компания, та, от которой после Победы остались лишь осколки. Не было для Кости места теплее, притягательнее, чем дом. В гимнастерке убитого капитана нашли простреленную фотографию: мама, папа, Тамара.

Свою судьбу он выстроил сам. Сначала — три рапорта из училища, где его оставляли преподавать, а он хотел драться с фашистами. На фронте трижды ранило. В первый раз Сафронов удрал из госпиталя на костылях. Второе ранение — потяжелее, долго был без сознания. Тамара Сергеевна все никак не найдет женщину-врача, которая по пути в госпиталь дала капитану свою кровь. Пробыл он дома вместо трех месяцев три дня. Утром повесил на дерево алюминиевую ложку: «Если попаду левой рукой, возвращаюсь в полк». Дело в том, что в кармане у него лежало направление в военную академию. «Ты что, Тамара,— успокоил сестру,— как это — отказываюсь?! Обязательно буду поступать. Из Берлина сразу махну в Москву».

Уезжая, оставил — случайно ли? — блокнот с фамилиями ребят из батальона. По этому списку спустя много лет Тамара Сергеевна нашла и собрала восемьдесят Костиных однополчан. И еще — отыскала могилу Вани, лучшего Костиного товарища. Знала, что погиб где-то под Краснодаром. Тамошний военком удивился: «А вы кто ему?» — «Сестра друга». Она поехала по окрестным станицам и нашла Ваню — в Смоленской.

Иван Меркулов присутствует в первых письмах Кости: «Мы с Ваней вспоминаем нашу «Колючку» — то замечательное, детское, важное для нашего будущего». Сафронов считал издание школьной стенгазеты чем-то прямо связанным с его и Вани решениями. В дневнике откровенно хвалился: «Нас, редколлегию, пригласили на областной смотр. Другие газеты — послушное орудие в руках директора, а наша кроет все беспорядки, невзирая на лица». Видела я эту «Колючку» — отчаянно честную, напропалую бесстрашную.

Газету подписывали школьные Кукрыниксы — Мерсафанд. Меркулов Ваня, Сафронов Костя и Андрианов Сергей. Он выжил. Военный штурман, полковник, вот лежит передо мной его книга рассказов «Полет продолжается». Говорит: «В нашем триумвирате Костя воспарял выше всех. Пропал в нем воспитатель с романтическим уклоном. Они с Ваней лидеры по складу — толчков со стороны не ждали, от беды не отстранялись. Именно такие, черт возьми, и гибли, таких не хватает».

Может быть, это уже годы кладут идеальный налет на картины прошлого? Нет, такова логика справедливой войны.

На любом участке, в любом подразделении кто-то должен подняться первым и сделать первый шаг. Самоотверженность — первая мишень.

В Польше, в городке Бунцлау, ныне Болеславец, где умер Кутузов, на мемориальном кладбище похоронили капитана Сафронова. Могила — в центре. Несколько лет назад, еще не зная Костю, я была там, прошла—не могла не пройти—мимо нее к обелиску с надписью в честь фельдмаршала. Заслужил ее и капитан. «...Здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя».

Костин отец Сергей Федорович, к слову, светлейшей души человек, в Берлин вошел. Жив, скоро девяносто лет. А он попал в переделку страшную: сражался в рабочем полку, принявшем на себя под Тулой первый удар танков Гудериана. Противник превосходил туляков по живой силе в три раза, по орудиям и минометам—в шесть. Полк пополнялся шесть раз. Костяк его составил батальон Косогорского металлургического завода. Так Сафроновы вывели меня на Косую Гору, на рабочего парня, одногодка Кости — Анатолия Гаврилина.

ОТ ЗАВОДА до Ясной Поляны рукой подать, Толстые здесь бывали. Есть запись в дневнике Софьи Андреевны: «Грустно смотреть на этот ад». Лев Николаевич писал в статье «Неужели так надо?» о косогорцах: «...плохо накормленные, плохо одетые, в сверхсильной, губящей здоровье работе, с утра и до вечера, с молодости и до старости».

Косая Гора и перед войной не благоденствовала, но, конечно, никакого сравнения, особенно если взять устройство детской жизни. Товарищи и ровесники Гаврилина — уже пенсионеры, провоевали, проработали без малого полвека, грудь в орденах и медалях — улыбаются, вспоминая невозвратные годы.

Открыли новую школу. Чудеса: бесплатными завтраками кормят. Еще стояли бараки и землянки, а особняк управляющего отдали под пионерский клуб. Вся забота — чтобы не лоботрясничали, а просвещались.

В город, в Тулу, выбирались редко. В чем пойти-то? Мануфактуры никакой. Зато в Ясной Поляне косогорские считались своими людьми. Ныряли в той самой Воронке, где и Лев Николаевич. Юшкин верх, где он охотился с Тургеневым на вальдшнепов, названный Машкиным в «Анне Карениной». Калиновый луг, на котором Толстой косил, а потом Левин... Для других школьников, может, литература, для косогорских — дом.

Они хорошо учились. Во-первых, интересно, во-вторых, за плохие отметки отец уши оборвет. Однако большинство семнадцати лет уходило в завод. Гаврилин стал токарем. Сверстники не очень-то помнят, что́ работал, но как — ручаются. С прилежанием. Поголовное было стремление превзойти всех умением и старанием, а он в самых резвых ходил.

Анатолий первым записался в истребительный отряд. 30 октября рабочий полк принял бой, в котором три четверти косогорцев полегло. Гаврилин же отличился: вместе с другом без всякого приказа пошел ночью искать комиссара полка. Проползли к склону, где того видели последний раз, и на глазах у немцев вынесли его тело.

«Он уже успел перебояться»,— сказал Толстой в «Севастопольских рассказах» о молоденьком прапорщике Козельцове. Это — и про Гаврилина. Он храбро провоевал пулеметчиком еще три месяца и три дня.

Убеждена: соседство с Ясной Поляной способствовало бесстрашию. Недаром множество солдат пронесли, каждый через свой срок, «Войну и мир», кто — в вещмешке, кто — в мыслях. Толстой вооружал дух. Он исследовал механизм Отечественной войны и точно определил его главную пружину: это—те, кто, истинно любя свою землю, проникшись жестокой необходимостью ее защитить, шли со спокойствием и простотой навстречу смерти.

Никто на войну, если даже рвется туда, с радостью не уходит. Пьянящее «молодечество войны» — оно, конечно, молодыми ребятами владело, но обычно —до всего, по дороге. А дальше — наступало прозрение. В слепяще ясном, безжалостном свете передовой рождалось совсем другое воодушевление.

К Сафронову, Гаврилину пришло понимание неизбежности: все, что осталось за спиной, только ею и прикрыто. Не знаю слова, которым обозначалось бы рожденное из такого понимания грозное и согласное состояние души и тела.

ТУЛУ, Москву обороняли сибирские дивизии. Они вступали в бой, едва выгрузившись из эшелонов. Там, где погиб Гаврилин, под Юхновом, рядом с рабочим полком сражалась 107-я дивизия. Место формирования—Барнаул.

В полутора сотнях километров от Барнаула лежит старинное село Подстёпное. Можно сказать, средневыбитое — из 313 мужиков 189 вернулись. Даже из тех, что с двадцать третьего года, половина уцелела. Но идешь улицей — что ни изба, полыхают над окнами деревянные факелочки. Где один, а где три, даже четыре. По числу погибших.

Задержался ненадолго в Подстёпном Сергей Шмаков, бригадир трактористов,— кому-то же пахать, сеять надо.

На январь сорок первого года значилось в сельском хозяйстве 17 миллионов колхозников-мужчин. На январь сорок третьего—4 миллиона. Вот каким числом крестьянство выручало страну из беды. Женщин оставалось 11 миллионов. Среди них три сестры Шмаковых. Больше всего рассказала мне Варвара Степановна — память горючая, глаза застилает по сей день.

— Нас мачеха еще раньше прогнала, а помер тятя, сказала: отец—ваш и Сережка—ваш, забирайте. Шибко хорошо учился. Говорим: учись далее. Нет, говорит, Варька, я пойду на трактор — вас кормить, хлеб растить. У нас первый трактор пригнали в тридцать втором году, митинг был, ребята с ума посходили — вроде как Гагарин полетел. Слышали песню «Прокати нас, Петруша, на тракторе»? Рвется Сережа на курсы в Ребриху—не пускают. Не в годах и ростом мал, не осилит, трактор рукояткой заводили. Но все же пробился. Другие пусть скажут про его труды, только зря бригадиром не ставили. Я у него была в бригаде поварихой. Что варила, пекла в войну, господи! Лепешки из подорожника. Суслик под трактор попадет, мы его — в радиатор и по кусочку разберем... Не простилась с братом. Ночью ушел тихо с бригады, меня не разбудили — чтобы крика меньше. Юрочку так и не увидел, даже не узнал, что сын у него народился. Может, к лучшему. Недолго пожил. Надя день и ночь на пашне, месяцами жили в бригаде. Мы с ним туда-сюда, по бабкам, врача нет, а у него после определили скарлатину... Остались мы, три кукушки. Был бы Юрочка... Одна Сергеева нитка — похоронная бумага, в сорок третьем уж получили. Покажу, посмотрите. Така цветастенька, в розочках, видать, не нашли ничего, на обоях написали.

Опять, как в Туле, заключал все друг-товарищ. Ларионов Николай Иванович, его призвали до Шмакова.

— Два интереса помню у Сережи: жажда к технике, чтобы получше на земле управляться, и семья полная, много ребятишек и чтоб всем всего хватало. Сергей очень верил в перспективу, в то, что зависит от колхоза, от нас, значит. Если бы воскресить тех механизаторов, подряд были бы герои, лауреаты. Сергей, думаю, и воевал, как работал,— без счета.

На этот разговор — чем бы все обернулось — я никого не вызывала. Но одноклассники уверенно проектировали несостоявшееся будущее. Хотя те, погибшие, если и вышли в самостоятельные люди, то за какие-нибудь год-два перед войной. Казалось бы, что там можно пророчить.

Случайно найденные, они похожи. Барнаульцы различают весной в Оби коренную воду,— не паводковую, а изначальную, которая выливается с гор. И народ то был коренной — «он ждал труда как воздуха и корма» (Павел Антокольский о сыне). Всё этим сказано. Потому они одинаково презирали вранье, успех за чужой счет, всяческую пустоту. Уважали дело, твердость поступка. Потому внушали надежду, что достигнут многого.

БЫЛИ и такие двадцатилетние, которые уже начали многообещающий подъем, обнаружив дарование в науках, в искусстве.

В народном ополчении Москвы 8-я Краснопресненская дивизия известна тем, что в ней воевала, как говорили, вся интеллигенция улицы Герцена. Театр Революции, театральный институт, юридический, консерватория, университет — все там рядом. Дивизия укомплектовалась за три дня. Закономерность та же: лучшие приходили первыми. А в МГУ тогда было не счесть блестящих аспирантов, студентов. В небытие ушла, может быть, целая Академия наук. Остался под Ельней и 975-й артиллерийский полк, в основном университетский — математики, историки.

Растерянность охватила меня перед этим списком и чувство вины: нельзя назвать всех. Я заставила себя перестать спрашивать, открывать семейные альбомы, читать письма...

Никто не подозревал, что Сережа Кудашев, аспирант мехмата,— из старинного княжеского рода, отличавшегося неизменной отвагой на полях брани. Певец во стане русских воинов — Жуковский — воспел Николая Кудашева среди героев 1812 года. Зять Кутузова, он погиб тоже молодым, в бою под Лейпцигом.

Мать Сергея, став женой Ромена Роллана, жила в Швейцарии, сын воспитывался у бабушки. Есть письма к нему Роллана, написанные с пониманием забот юности и уважением к ним. Они дружили. Не только потому, что он — сын Марии Павловны. Оба, великий старик-писатель и московский студент, были гуманистами по сути своей — две родственные очарованные души. «Я ощущаю... что очень близок тебе в вопросах существенно важных и личных».

Существенно важным — до театра, спорта и до роковой поры — были крылья малого удлинения. Так называлась тема курсовой работы, потом — диссертации. С Сергеем учился, был дружен, как и он, увлечен авиацией Георгий Александрович Тюлин. Кудашев, с его слов, выделялся уже студентом, в лаборатории аэродинамики.

Крылья малого удлинения — крылья будущего — требовали работы и головы. Он уходил в дело по макушку. Однако успевал брать от жизни и многое другое. Чего ж не брать — жизнелюб, красавец, однокурсницы по нему вздыхали. «Я еще его и грузил бессовестно по комсомольской линии»,—Тюлин.

Тюлин ушел добровольцем в июне, Сергей — в первых числах июля. Обменялись напоследок фотографиями. Кудашев на своей написал нечто романтическое, усмехался, верно, сочиняя: «Он смерть нашел в краю чужом...» Она нашла его, когда пробивался со своими ребятами из окружения, Сережку с Конюшковской. Соседствует такая улица с Малой Бронной.

Тюлин говорит, что от Кудашева была бы огромная отдача в авиации, вышел бы, вероятно, незаурядный теоретик — он широко, нескованно мыслил. А сам Георгий Александрович стал доктором наук, профессором своего мехмата, удостоен высоких наград и званий за создание новой техники.

Академический журнал «Успехи математических наук» писал о той молодежи: «Множество великолепных идей могло родиться в этих головах. Трудно сказать, какой была бы сегодня наша математика, если бы они остались живы».

В КРАСНОПРЕСНЕНСКУЮ дивизию вступили почти все профессора исторического факультета: можно в любой момент проводить заседание ученого совета. Саша Осповат успел их послушать, он получил диплом за неделю до войны. Краса факультета, эрудит, сталинский стипендиат, любимый ученик Милицы Васильевны Нечкиной. Напечатал серьезное исследование уже на пятом курсе.

На истфаке много острили. Видела Сашину телеграмму, отправленную из лодочного похода девушкам, ожидавшим путешественников: «Прилетаем крыльях любви 28-м поездом». А в дневниках — постоянные укоры себе, самонедовольство. «Когда всем занимаешься сразу, ничего не получается, кроме отличничества. Ни одного исторического момента не изучил глубоко... Зная немного латынь, читая по-немецки, смею думать, через год — по-французски и, если постараться, по-испански, а к концу занятий — по-английски — таков мой высокомерный ... ской историей, главным образом XIX веком. Зачем мне Филиппины или Англия? Я чувствую дух русской истории, в то время как все прочее очень далеко».

Любимая хранит его письма. Главная драгоценность — письма оттуда. Недавно она, несколько общих друзей-историков собрали то, что бережет каждый. Прочитав все письма подряд, признались друг другу, что до конца и не представляли себе, с людьми какой высокой пробы свела их альма матер. Однокурсники хотят опубликовать письма четырех своих погибших товарищей. В предисловии есть точная мысль:

На войне им, как и всем остальным, предстояло стать либо хуже — себялюбивее, самоохраннее, либо лучше, чему нет точного, единого для всех, обозначения. Они стали лучше и, таким образом, самими собой.

Университетский интеллектуал был теперь наводчиком. Он создавал в себе солдата с той же серьезностью, с какой недавно — ученого-историка. Далеко не богатырь по сложению, Саша выдерживал переходы и нагрузки, валившие с ног дюжих парней. Наводчик из него получился что надо.

А страх погибнуть? Товарищи из его расчета — один из них ныне известный историк — уверяют, что было чувство бессмертия, молодость спасала в первые боевые дни. А было-то их, первых и последних, три.

Лейтенант сказал, что надо разведать, нет ли немцев в деревне. Вызвались Саша и Юра (студент-историк, брат писателя Григория Бакланова, тот Юра, которому посвящена повесть «Южнее главного удара»). Их прождали до утра, они не возвратились. Так хочется думать, что вера в бессмертие не оставила их до последней минуты.

Мне не обойтись без письма друга Саши по факультету и батарее. «Он как-то совсем преобразился в армии. И когда мы попали на передовую, когда смогли дружно воплотить свою ненависть в горячую лаву огня, он был смел, спокоен и даже весел».

Великое поколение.

Коль умрем — на могилах
у нас
Вырастут штыки и знамена.

Написавший эти строчки не увидел победных майских знамен, его имя едва ли вам что скажет: украинский поэт Владимир Булаенко, ушел на фронт с третьего курса университета, умер от ран в Латвии.

...Нахлебавшись
смертельного ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишних сто семьдесят
два сантиметра
Вошли в завоеванный счет.

Этого поэта тоже, наверное, не знаете — Захар Городисский. И он — упал вперед, не дожив до двадцати лет.

Поэзия понесла урон не меньший, чем математика, история. Чем все дела, профессии, ремесла, замыслы. Но — поэты, математики, токари, трактористы — они были до всего остального, профессионального, просто людьми. Война устроила им беспощадную проверку: за порядочность, честность расплачивались кровью и жизнью.

Наш общий, назовем так, нравственный фонд существует только в движении — к младшим от старших. А они уходили, не успев никого воспитать. Тем, кто пришел в мир после, отцовской науки было недодано. В вечной передаче добра живой пример все-таки сильнее неживого. Однако человеческий опыт минувшей войны — особый. Сама Победа — мощный аргумент нравственности. Он останется в истории, отразится на судьбе нашего народа, и мы долго-долго будем обращаться к нему за поддержкой и примером. Чтобы свет тот не прервался.

Элла МАКСИМОВА.